

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОДОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 865012

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XVIII

Buenos Aires, martes, 15 de marzo de 1966

Буэнос Айрес, вторник 15 марта 1966 года № 841

„КРУГОМ ИЗМЕНА, И ТРУСОСТЬ И ОБМАН“

При первом известии о военном бунте, Государь решил отправить в Петербург ген. Н. И. Иванова, популярного в армии и в стране старого генерала, с чрезвычайными полномочиями для восстановления порядка. До его прибытия, полнота власти — чисто номинальная — сохранялась за кн. Голицыным. Он распорядился, чтобы одновременно с трех фронтов было отправлено по две кавалерийских дивизии, по два пехотных полка из самых надежных и пулеметные команды. В 10 час. 25 мин. вечера, 27-го февраля, об этом было из Ставки сообщено ген. Беляеву в Петроград.

В это время Великий Князь Михаил Александрович, по телефону из Петрограда, просил ген. Алексева доложить Государю, что для успокоения необходимо увольнение Совета Министров и назначение нового премьера; «со своей стороны полагаю, что таким лицом мог бы быть кн. Львов».

Государь повелел на это ответить, что в Петроград отправляются войска и что дальнейшие решения Он примет по прибытии в Царское Село. Государь ясно сознавал, что, когда идет солдатский бунт и убивают офицеров, «уступки» только подливают масла в огонь, вызывая представление о слабости и уверенности в безнаказанности. Когда, вслед за Великим Князем, в том же смысле высказался и ген. Алексеев, долживший телеграмму ген. Рузского («при существующих условиях меры репрессий могут только обострить положение») — Государь по словам ген. Алексева, «не захотел и разговаривать с ним».

... 28 февраля в столице царил анархия, в Кронштадте шла резня, единственной фактической властью был Совет. Но кто-то сообщал в Ставку совершенно иные данные, которым ген. М. В. Алексеев, очевидно, поверил: «Частные сведения говорят, что 28-го февраля в Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули к Временному Правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное Правительство под председательством Родзянко заседает в Гос. Думе и пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным Правительством, говорит о необходимости монархического начала в России и необходимости новых выборов (?) для выбора и назначения правительства».

Эти явно ложные сведения, сообщенные кем-то в Ставку, сыграли огромную роль в дальнейшем ходе событий. Начальник штаба, ген. М. В. Алексеев, получив сообщение о «благополучном» течении событий в столице, начал самостоятельно информировать верху армии. Пресловутая телеграмма об «успокоении» была между 1-м и 2-м часами дня 1-го марта передана, за № 1833, всем командующим фронтами, причем в телеграмме ген. Рузскому добавлялось: «Доложите его Величеству все это и убеждение, что дело можно привести

мирно к хорошему концу, который укрепит Россию».

В Пскове имелись несколько иные вести из Петрограда: получив телеграмму об «успокоении», ген. Данилов в ответ запросил, «откуда у насверху сведения, заключенные в телеграмме 1833» — и получил (в 5 час. дня, 1-го марта) неопределенный ответ: эти сведения «получены из Петрограда из различных источников и считаются (?) достоверными».

Государь провел 28 февраля в дороге, не получая новых известий. Он следовал по пути Смоленск — Вязьма — Лихославль, чтобы оставить кратчайший путь (через Дно) свободным для воинских эшелонов. В ночь с 28 февраля на 1-с марта, на ст. Малая Вишера (в 150

верстах от Петрограда) царские поезда были остановлены: сделалось известно, что следующая большая станция, Любань, занята «революционными войсками», и охрана поезда была сочтена недостаточной для вступления в вооруженную борьбу. Царские поезда сперва решили направить в Царское по Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дороге; но дальше ст. Дно им продвинуться не удалось. Там получены были телеграммы из Петрограда, сообщавшие, что Родзянко выезжает к Государю на станцию Дно; но потом стало известно, что Родзянко не едет, и Царский поезд продолжал в Псков, в ставку командующего Северным фронтом, ген. Рузского, куда Государь прибыл вечером 1 марта, после 40 часов, проведенных в пути.

В Петрограде за это время революционные элементы уже успели организоваться. В название Совета Рабочих Депутатов было вставлено: «и Солдатских». Отдельные воинские части, с красными флагами, являлись в Таврический дворец; их приветствовали ораторы Совета и Думского Комитета. В тот же день четыре Великих Князя составили манифест, обещавший от имени Государя ответственное министерство; этот документ им не удалось нигде опубликовать.

Фактически власть принадлежала крайним левым: Суханов и Стеклов были могущественнее, чем Родзянко. Попытка думской военной комиссии призвать солдат к повиновению офицерам вызвала такую реакцию со стороны недовольной солдатской массы, что председатель комиссии, полк. Энгельгардт,

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ НА РОДИНЕ

289. ПЕРЕВОРОТ В ГАНЕ, АВАНПОСТЕ КОММУНИЗМА В АФРИКЕ, ЯВЛЯЕТСЯ ПРЯМЫМ УДАРОМ ПО СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ. — СУРОВЫЙ ПРИГОВОР ФУТБОЛИСТУ ЮРИЮ СЕВИДОВУ, ПУТАННЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ ПО ДЕЛУ СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ И «ЗАГАДКА» ТАРСИСА. — УСТУПКА СТАЛИНЦАМ: НОВАЯ НЕЛЕПАЯ ФОРМУЛА РЕАБИЛИТАЦИИ БЕЛА-КУНА И ЧУБАРЯ. — ФИГУРА НОВОГО ЕПИСКОПА ТЕГЕЛЬСКОГО ИОНАФАНА КОПОЛОВИЧА И ДРУГИЕ НОВОСТИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ. — КОНЧИНА АННЫ АХМАТОВОЙ

Среди наших эмигрантских публицистов я был единственным, который не впадал в панику при виде создания в Африке независимых республик и не видел в крушении колониализма угрозу большевизации «черного континента». Возможно, что мое близкое знакомство с различными католическими епископами африканского национализма убедили меня в том как глупо видеть в каждом черном патриоте коммуниста-интернационалиста. Ведь в прошлом наши захолустные мудрецы считали «агентами красной Москвы» генералов Кемалю и Чан Кай-ши, которые использовали помощь СССР для приобретения независимости, а затем расправились с советскими «инструкторами» энергичнее и решительнее, чем это бы сделали европейцы.

Создав сильную охрану в несколько тысяч «гвардейцев» под командой советских офицеров и чекистов, отборная часть которой составила гарнизон укрепленного дворца, Нкрумах поехал в Пекин, откуда намеревался проехать в Ханой для согласования деятельности руководителей всяких просоветских партизанских выступлений по всей Африке с партизанщиной в Южном Вьетнаме.

Однако, именно во время его торжественного приема в Пекине против него выступили под командой полковника Бамако военные части в его столице Аккре, считавшейся справедливо редутом большевизма в Африке. Национальные части быстро овладели столицей и осаждали уже неделю руководимый советскими гарнизон его дворца. Постепенно они овладели почти всеми бункерами и фортами, причем в боях убито 8 советских военных «инструкторов», а 7 офицеров, захваченных с оружием в руках, поставлено к стенке и расстреляно, как заявил один из африканских офицеров-участников штурма. Жена диктатора египтянка с тремя его сыновьями посажена на самолет и отправлена на родину в Каир, а всякие советские и китайские советники, инструктора, пропагандисты, врачи, инженеры высланы также на родину. Советскому послу предложено сократить штат посольства до 10 человек, а торгпредства до 15. Официально правительство СССР еще не порвало дипломатических отношений и посол Михаил Дмитриевич Сытенко еще находится в Аккре, но разрыв кажется неизбежным. Если СССР посла не ответит, то его просто вышлют, как это было уже дважды за эти годы в Леопольдвилле.

Растерявшийся Нкрумах полетел из Пекина не в Ханой, а в союзную Гвинею, где президент Секу Туре его провозгласил президентом объединенных республик Ганы и Гвинеи, разделенных между собой территорией республики Верхней Вольты. Но это имеет лишь символическое, вернее, пропагандное значение. На очередной африканской конференции в Аддис-Абебе большинство признало законным новое националь-

ное правительство Ганы, ярко враждебное коммунизму, а Нкрумах поддерживают лишь прокоммунистические правительства Гвинеи, Мали, Танзании, Арабской Объединенной республики, Сомали и Конго-Бразза (бывш. франц. Конго).

Таким образом, пробуждающийся африканский национализм носит в ряде стран, как Конго, Дагомея, Габон, Экваториальная Африка, Сенегал, а теперь в Гане ярко выраженный антикоммунистический характер и советские посольства чувствуют себя гораздо прочнее в Вашингтоне или Лондоне, чем в Аккре, откуда их скорее вышвырнут, как это было в Леопольдвилле, чем из любой «белой» столицы обонх полунарий.

Католический епископат из черных епископов, разные молодежные организации африканских стран еще проявляют свое враждебное отношение к безбожному коммунизму в более резкой форме, чем всякие антикоммунистические партии белых по цвету кожи Государств.

Пока что по пути из Пекина в Гвинею Нкрумах провёл три дня в Москве в совещаниях с советскими вождами. Последние начинают в нем разочаровываться, как в битой политической карте и лишь предложили ему в качестве политического убежища дачу на Ленинских горах неподалеку от корпусов государственного университета им. Ломоносова.

Тем временем последние сведения говорят о расширении снова военных операций в Сев. Вьетнаме, где американская авиация снова бомбит пути и мосты у китайской границы.

Москва на это «расширение войны» пока не реагирует, ибо подготовка к съезду теперь главная забота московских заправил. Ханой не может отрицать расширение зоны налетов, но при американских сообщениях о поражении семи мостов на железной дороге из Китая в Ханой с уничтожением поездов с военным снаряжением, коммунисты вопят о разрушении детского дома при совхозе и гибели двух нянек и 10 детей моложе шести лет и ранении 8 детей и 6 взрослых из персонала этого детдома.

Не касаясь на этот раз подготовки к съезду, остановлюсь опять на деле наших двух писателей. Но по пути интересно сообщить о другом суровом судебном приговоре: известный футболист Юрий Севидов, задавивший 18-го сентября «термо-ядерного» ученого Дмитрия Ивановича Рябчикова, о чем см. «Нашу Страну» № 820 от 12-го октября прошлого года, приговорен к восьми годам заключения в концлагере, причем суд признал вождение автомашины в пьяном виде отягчающим вину обстоятельством этого убийства, являющегося результатом несчастного случая. Таким образом за зверски многократно погружавший нож в живот разлюбившей его жены Ворониной получил срок на год меньше заключения, чем Севидов, лихо

Напомнить старшему поколению и ознакомить младшее с роковыми днями февраля приведшим к Октябрю — и в дальнейшем — к потрясению всего мира, Редакция решила скупными и беспристрастными словами историка (С. С. Ольденбург. «Царствование Императора Николая Второго»). История — не фальсифицированная большевиками — есть история.

РЕДАКЦИЯ

(Продолжение на стр. 4-й)

в пьяном виде наехавший на шестидесятилетнего неосторожно переходившего улицу пешехода. Это любопытная особенность советского юридического мышления. Убийство квалифицируется и карается не в зависимости от умысла или способа его осуществления, а в зависимости от ценности убитого для "строительства коммунизма". Поэтому зверски убитая за отказ вернуться к постылому мужу конькобежка Инга менее ценна при всех своих мировых рекордах для коммунизма, чем работающий над термоядерным оружием профессор и ее жестокое убийство карается меньше, чем нечаянное убийство при лихой езде подвыпившего спортсмена теорившего смертоносное, но нужное для СССР оружие старое профессора!

Тот же подход мы видим при оценке вины Синявского и Даниэля. Их произведения были прочитаны в СССР меньшим, полагаю, числом лиц, чем хотя бы наша проникающая литература народных монархистов: наши брошюры, наряду с Обращениями Государа Владимира Кирилловича, проникают в разные разбросанные по просторам родины города и села, а рукописи обоих писателей или изданные ими за границей произведения были известны лишь немногим оппозиционно настроенным их московским друзьям, как кающимся в этом на суде Ремизов, Докукина и Гарбузенко.

Но власти напуганы самим фактом, что за несколько лет рукописи могли попадать в иностранные издательства и что московские малоизвестные писатели могли знакомым показывать свои опубликованные на Западе антисоветские произведения. Страшно то, что пересылка через едущих на Запад советских работников рукописей может принять массовый характер. Поэтому показательным процессом надо наугад других писателей. Но при этом неведомым и не очень талантливым писателям создан ореол героев-мучеников за свободу литературного творчества.

Теперь советская печать уже не может замалчивать их имена; приходится как-то выпутываться, кричать о том, что мирное сосуществование государств с разным политическим режимом не означает мирного сосуществования идеологий и что поэтому можно уверять в дружбе иностранные правительства, но надо проповедывать одноверно их свержение, что нельзя допускать критику писателями советского режима и в первую очередь его карательных органов.

Поражает наглая ложь, рассчитанная на провинциальных советских читателей. Пишут, что суд был гласный, при открытых дверях, но москвичи и весь иностранный мир через журналистов знает, что на суд не могли попасть именно те, кого процесс интересовал: студенческая, интересующаяся литературой молодежь и газетные работники, даже иностранные коммунисты. Да и не всякого своего коммуниста пустили бы, раз вход был по пригласительным именным билетам.

Однако, статья в "Правде" от 22-го февраля признает, что процесс "кое-кого дезориентировал", что подсудимых возвеличивают и "ставят в один ряд с Гоголем и Достоевским", что в обвинительном приговоре "видят нарушение свободы творчества". Поэтому ссылаются на Ленина и Горького, которые требовали террора в отношении всех писателей которые позволяли себе вредную для советского режима критику партийной диктатуры, ее тюрем и концлагерей. В создающейся теперь атмосфере уже не мог бы появиться "День Ивана Денисовича" и даже разоблачения ежовщины, ибо Синявский и Даниэль нигде открыто против режима не выступали, никого к его свержению в России не призывали, а только осведомили западный мир, что и теперь нет никакой свободы, никакого смягчения диктатуры. Режим хрущевщины в их произведениях обличается как у Солженицына эпоха сталинщины в ее последние годы.

Но к этому присоединяется непонятная на Западе, а еще более в СССР "загадка Тарсиса".

В "Правде" от 21-го февраля на 4-й странице мелким шрифтом напечатана следующая заметка явно полицейского характера: "Президиум Верховного Совета СССР на основании статьи 7-й Закона "О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик" от 10-го августа 1938 года лишил гражданина СССР Тарсиса Валерия Яковлевича, 1906 года рождения, уроженца города Киева,

УССР, гражданства СССР за проступки, порочащие гражданина СССР".

На Западе это решение производит самое странное впечатление: почему за аналогичные проступки двух писателей приговаривают к многолетнему заключению, а третьему отвечают согласием на его ходатайство о выезде на Запад, где он опубликовал свои антисоветские произведения? При этом он не каялся и не скрывал своей враждебности к советскому режиму. Его резкие выступления в Великобритании против режима СССР следовало ожидать, а если это было непредусмотрено, то за что же его карать? А если он ненавидел удушающий советский режим, то является ли для него отказ от возможности вернуться на родину и в любой день снова отправиться в дом умалишенных, в "Палату № 7" или подвергнуться суду подобно Синявскому и Даниэлю вообще наказанием?

Еще более недоуменные вопросы задает теперь советский читатель, который кроме немногих москвичей, никогда в жизни не слышал имени Тарсиса и ничего о нем вообще не знает. Кто этот Тарсис? Почему его поведение недостойно гражданина СССР? При чтении этого постановления Верховного Совета в СССР ломают себе голову над тем, наскандальшив ли это за границей дипломат или совершивший поступки, предосудительные в половом отношении, партией? Понятно, что он находится за рубежом вне пределов досягаемости, раз его вместо предания суду лишают гражданства, которое ему и не нужно? а то это сбежавший хрущевец или маленовец?

На эти недоуменные вопросы дам удовлетворяющие эмпирию, а затем и советские ответы. Возможно, что Тарсис был смелым искренним коммунистом, а потом разочаровался и стал неосторожно критиковать режим, за что попал в тюрьму, а там под влиянием террора, угроз, терзаний "свихнулся", что вовсе нередкое в СССР явление: еще в молодости я знал священника Сосунцова, который в тюрьме помещался и был переведен в психиатрическую больницу, где пробыл до кончины. В 1925 году заболел после года заключения помещателем религиозного характера видный консультант Нар. Комиссариата Финансов СССР, в прошлом обер-секретарь Сената камер-юнкер Ив. Андр. Блинов, в 1927 году помещалась в Ленинградском Д.П.З. научная работница-горик Пруссак, затем в том же Д.П.З. Ленинграда на Шпалерной улице упомянутый мной в прошлый раз историк А. Н. Насонов. Поэтому нет ничего невероятного, что это могло произойти с Тарсисом. Переведенный затем в психиатрическую больницу, он оправился и по выходе из нее пришел к мысли описать свои злоключения и отправить для напечатания за границу. Но затем он на этом пошел и под угрозой заключения в тюрьму или тюремную больницу согласился играть перед Западным миром роль не то мученика за свободу, не то умалишенного. Только это может объяснить согласие советского правительства выпустить его на Запад для ведения антикоммунистической кампании: Бродского, Вольпина, Синявского и Даниэля лишают свободы, посылают в концлагеря, а только одного Тарсиса сначала держат в Москве на свободе, а потом выпускают на Запад для чтения антисоветских лекций. Возможно, что с ним Комитет Гос. Безопасности вступил в какую-то сделку, заранее учтя возможные выгоды: при его потрясенной нервной системе он не казался опасным врагом на Западе, каким мог стать Пастернак, Синявский или Даниэль, а его выступления определяют поведение тех антисоветских кругов, которые примут его всерьез, а потом сами пострадают и попадут в глупое положение из-за его неуравновешенности. Если психиатры установили, что у него бывают периодические приступы душевной болезни, то стоит его послать на Запад, чтоб он очередным приступом провалил антисоветскую кампанию своих западных покровителей.

Таково мое личное предположение, которое может оказаться ошибочным.

При продолжающейся кампании по реабилитации всяких чекистов и комиссаров из "старой ленинской гвардии", уничтоженной Сталиным при помощи не только Ежова и Берин, но и Микояна, Кагановича, Хрущева и других кровопийц, сделана курьезная уступка сталинским поклонникам, которые сумели

убедить своих сотоварищей из Президиума ЦК, что престиж партии и режима падает, если газеты возвеличивают какого-нибудь ветерана дореволюционной большевистской партии, соратника Ленина, "героя" Гражданской войны или социалистического строительства, а потом прибавляют: "в период культа был оклеветан агентами Ежова или Берин и потом пал жертвой их палачей". "Хорош режим, который своих "героев" отдаст на растерзание палачам", невольно думают советские читатели. Поэтому теперь с началом 1966 года решено этих заключительных слов об их печальном конце жизни не писать. Таким образом, у читателей иногда получается недоуменный вопрос: что же этот герой после блестящей карьеры все же умер или сейчас еще здравствует, или наоборот, живым отправился в преисподнюю?

В "Правде" от 21-го февраля напечатана статья к 80-летию со дня рождения венгерского коммуниста Беда Куна, главы советского правительства в Венгрии в 1919 году, обмененного с другими наркомом на пленных венгерских офицеров, затем председателя Крымского Ревкома и палача белого офицества и мирного населения в 1920-21 г. г. Дальше его биография доводится до 1936 года и на этом обрывается. После всяких восхвалений у читателя остается вопрос: а дальше — когда же он умер или жив еще в 80 лет?

24-го февраля "Правда" помещает аналогичную статью к 75-летию со дня рождения В. Я. Чубаря, зам. председ. Совнаркома СССР с 1934 года и члена политбюро с 1935 года, о расстреле которого в 1938 году и реабилитации в докладе Хрущев в своем докладе на XX съезде партии в 1956 году. Теперь рассказывается, как он 16-ти лет в 1907 г. вступил в партию и описывается его революционная деятельность и карьера, председательствование 11 лет с 1923 по 1934 год в Совнаркомом Украины, перевод в Москву заместителем председателя Совнаркома СССР, но на этом обрывается его биография. Вместо того, чтоб объяснить — когда и где он умер? почему он исчез без почетных похорон? статья заканчивается глупой, но загадочной фразой: "имя Власа Яковлевича Чубаря после XX съезда КПСС снова засияло в созвездии имен выдающихся деятелей ленинской гвардии".

В № 833 "Нашей Страны" от 18-го января с. г. на стр. 2-й я уже писал о двух последних хиротониях советских епископов: Ионафана Тегельского и Ювеналия Зарайского, а также Иоанна Сызранского, но только сейчас могу сообщить биографию пока только первого из них. Хиротонисанный 28-го ноября в Троице-Сергиевой Лавре самим патриархом во епископа Тегельского, викария Экзарха Германского Киприана (Зернова), в миру Иван Михайлович Кополович родился 8-го июня 1912 года в небольшом селе Закарпатской Руси, входившей тогда в состав Австро-Венгрии. Кончил он в 1927 году реальное училище в Ужгороде, который тогда под именем Унгвара входил в пределы Венгрии, управляемой регентом-адмиралом Хорти. Пять лет учился он в сербской семинарии в Сремских Карловцах, затем был три года дьяконом в Мукачеве, тогда венгерском Мункаче, а в 1936 году рукоположен в священники. С 1939 года стал секретарем епархиального управления, что дало ему административный опыт. С началом войны он покидает этот пост и становится законоучителем в гимназии небольшого городка в Закарпатскую Русь советских войск возвращается на должность секретаря епархиального управления. Как это встречается у карпатороссов, ненависть к католической иерархии и венгерской администрации ведет к пристрастиям к коммунистическому безбожью, которое им кажется "меньшим злом".

В 1949 году патриарх Алексий посылает прот. Кополовича благочинным в Венгрию урегулировать отношения между русскими и венгерскими православными приходами. В Венгрии он оста-

ся пять лет. В 1954 году Кополович возвращается в Мукачево протоиереем-настоятелем кафедрального собора. Но через полгода Патриарх снова посылает прот. Кополовича за границу. На этот раз он со званием генерального викария православной епархии в Пряшево регулирует положение православной церкви в Чехословакии, где митрополит награждает его чешским духовным орденом свв. Кирилла и Мефодия. Там он работает девять лет, причем проходит православный богословский факультет, который кончает в 1962 году в пятидесятилетнем возрасте. В 1963 году защищает диссертацию и становится доктором богословия. После смерти жены в сентябре 1964 года возвращается в Москву; работает в Отделе внешних сношений и читает в Академии новый курс: "История зарубежных учреждений Русской Православной Церкви". В январе 1965 года принимает постриг с именем Ионафана и возводится в архимандриты.

Новый викарий будет жить в Восточном Берлине и своим административным опытом службы за советским рубежом в оккупированных странах поможет весьма непопулярному Киприану, на которогоезде смотрят, как на чекиста.

Отчет патриархии за 1965 год отмечает особо, что при 4-х умерших архиереях только два — Борис Одесский и Гурий Симферопольский — скончались на кафедрах, а Иоанн Сокаль и Даниил Юзьвюк были на покое. Но зато много архиереев ушло на покой и состав епископата значительно омолодился при девяти хиротониях новых епископов, что оживляет церковную жизнь.

При анализе отношений с инославными церквями указан рост влияния Патриархии на монофизитские церкви, причем сближение с армянской идет особенно успешно. О Ватиканском Соборе лишь упоминается, причем при сообщении о приеме Папой приехавшего на закрытие Ватиканского Собора митрополита Никодима на частной аудиенции 9-го декабря отсутствуют всякие традиционные слова о "сердечности" или "искренности" беседы.

Некий Е. Васько поместил статью о Московской епархии в Аргентине. Там идут жалобы на "неканонические" притязания "карловчан", Американской митрополии и "изразцовцев", которые одинаково все именуются раскольничьими группировками. Лживое, как все другие сообщения Московской Патриархии, говорит, что "работники православной церкви в Аргентине добиваются возвращения Троицкого храма в Буэнос-Айресе и церковного имущества, незаконно присвоенного православной русской общиной", но молчит об исходе судебного процесса. При этом не сказано, что кардинал Антонио Каджано оказал поддержку Архиепископскому Синоду в борьбе против притязаний ставленника Патриарха епископа Никодима Русняка, и говорил на Ватиканском Соборе, что его возмутило бестактное приглашение самого кардинала епископом Русняком на трапезу совместно с работниками советского посольства.

Из епархиальной хроники интересны сведения о постройке после войны нового Казанского Собора в Волгограде на месте разрушенного в 1942 году советской артиллерией, бывшей по занятию войсками Паулюса городом. Из других сообщений видно, что в большинстве городов, даже самых крупных, с сотнями тысяч населения, имеется всего один, редко, два храма. При этом нигде, кроме Волыни, Молдавии, Прибалтики, словом, завоеванных в годы Второй Мировой войны областей, нет ни мужских, ни женских монастырей.

Много внимания уделяется поездкам в западные государства. Так, бывший наблюдателем на третьей сессии Ватиканского Собора прот. Ливерий Воронов подробно описывает, как совместно с митрополитом Никодимом в сентябре 1965 года объехали всю Финляндию, посетив Хельсинки, Куопио, Турку, ранее называвшееся Або, Таммерфорс, Ионсу в зап. Карелии и православный монастырь "Новый Валаам", где нашли всего 19 престарелых монахов, которые ушли с Валаама, когда его в 1940 году захватили советские войска. Глава Финляндской Православной Церкви Архиепископ Павел поднес митрополиту Никодиму учрежденный в этой Автономной Церкви "Орден Святого Агнца первой степени с командорской звездой". Обеды в честь митрополита Никодима дали президент республики Кеконоен и советский посол Андрей Ефимович Ко-

ДОКТОР
Кира Николаевна
КОЛДОМАСОВА - БАУМГАРТЕН
принимает
по пятницам от 18 до 20 час.
по субботам от 16 до 18 час.
AMENABAR 4156 CAPITAL
Новый телефон 701-8413

валев, только в 1965 году назначенный в Финляндию.

Интересно отметить, что проф. Ленинградской Академии прот. Ливерий Воронов был назначен наблюдателем также на четвертую сессию Ватиканского Собора и Секретариат по Объединению Христиан его поместил в списке наблюдателей. Сначала другие наблюдатели Патриархии объясняли его отсутствие тем, что его задержала поездка в Финляндию, но прот. Воронов вернулся из Финляндии в середине октября, а потому не эта поездка помешала ему принять участие в сессии Ватиканского Собора, закончившейся только 8-го декабря.

Я уже заканчивал настоящую статью, когда вечернее радио сообщило о том, что сегодня утром 5-го марта скончалась в возрасте 76 с лишним лет поэтесса Анна Андреевна Горенко, вошедшая в историю нашей родной литературы под литературным псевдонимом Анны Ахматовой. Еще неизвестны подробности ее кончины, но отбрасываю другие темы настоящей статьи, чтоб напомнить читателям "Нашей Страны" ее многогорестную жизнь и придавленный партийной диктатурой поэтический труд.

Родившись в Киеве в 1889 году, Анна Андреевна провела отрочество в Царском Селе, осянятом витающим духом Пушкина, и еще гимназисткой писала свои первые стихи. Она влюбляется в уже тогда знаменитого молодого поэта Н. С. Гумилева, за которого 4 года спустя выходит замуж. Их супружество, далеко не счастливое, несмотря на рождение сына, обоими любимого Левушки, прекрасно и художественно описано нашим талантливым писателем, блестяще статьи которого читают наши читатели, Григорием Валериановичем Месняевым. Услышав по радио о кончине Анны Ахматовой, я раскрыл его книгу "Поля неведомой земли" и перечел страницы, описывающие эти их первые встречи и недолгую затем семейную жизнь (125-194). К этому периоду относятся ее первые нашумевшие сборники стихов. "Вечер" (1910), "Четки" (1912), "Белая метель" (1917). После революции она перестала печатать стихи и только в эпоху НЭП-а в Берлине в издательстве "Петрополис" напечатала два новых сборника "Подорожник" (1921) и "Аннус Домини 1921" (1922). Затем в издательстве "Алконост" появились еще небольшой сборник "На берегу моря". После этого Анна Ахматова замолчала на 19 лет, живя исключительно литературными переводами. Все знали ее отчужденность от коммунизма и, если теперь коммунисты говорят, что Ахматова принципиально отказалась от эмиграции, можно ответить, что это духовно была "внутренняя эмигрантка", которая могла бы сказать про себя словами расстрелянного в 1918 году поэта-монархиста Бор. Влад. Никольского:

... Я в отечестве изгнанник,
Я на родине чужой.

Скромно воспитывала она своего Левушку, вспоминая расстрелянного генерала его отца. Второй брак с проф. по древней истории — ассириологом В. К. Шилейко, также не был счастлив, и они через несколько лет разошлись.

В ежовщину ее постигло почти неминуемое при антисоветском воспитании сына испытание: он был арестован с группой товарищей по университету, из которых потом после пересмотра дела при Берли перебежал в 1941 году через фронт Ник. Серг. Давиденков. От него я узнал подробности дела, ибо он лично знал мать своего друга Льва Ник. Гумилева, подобно своему отцу начинающего тогда поэта. В жутком 1938 г. среди дрожащей за свою жизнь столичной интеллигенции все знали двустышние Анны Ахматовой:

Муж в могиле, сын в тюрьме:
Помолитесь обо мне!

Когда мне говорил что Левушка был расстрелян, но теперь ходят слухи, что при падении Ежова расстрел был ему заменен концлагерем, из которого вышел после войны. В военные годы Анна Андреевна написала несколько патристических стихотворений и затем ее снова стали печатать. Новой травле она в 60-летнем возрасте опять подверглась в ждановщину, но после смерти Сталина все же редко появляются ее стихи. Она верна себе и в отличие от Веры Мих. Инбер отказывается вступить в партию, безбожную по основе. Последним сборником ее стихов является "Ива". В хрущевщину ее привлекают к кампании "сторонников мира" и выхо-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

МОНАРХИЯ В ИСПАНИИ

Нам пишут из Парижа:

Двадцать пятая годовщина смерти короля Альфонса XIII, который скончался в Италии, не отказавшись от своих прав на испанский престол, была отмечена правительством и возглавителем испанских вооруженных сил почтили память последнего царствовавшего короля. Испания. Существующая традиция этих заупокойных богослужений по испанским монархам была установлена 403 года тому назад королем Филиппом II.

Генерал Франко, члены испанского правительства и возглавителя испанских вооруженных сил почтили память последнего царствовавшего короля. Испанская династия была представлена внуком короля, 28-летним принцем Хуаном Карлосом, женатым на сестре греческого короля Константина, и принцами Альфонсом-Ханмом и Гонзалом, принадлежащими к младшей ветви испанских Бурбонов.

По сведениям из Мадрида, генерал Франко предполагает окончательно восстановить монархию в Испании в течение 1966 года. На основании основных законов страны, Испания — наследственная монархия, временно управляемая генералом, освободившим страну от коммунистов. Ему же основные законы предоставили право передать престол наиболее достойному члену династии. Поэтому генерал Франко, по букве закона, может передать свою власть любому испанскому принцу, но большинство испанских монархистов отдает предпочтение проживающему в Португалии сыну покойного короля, дону Хуану, которому теперь 52 года. Та часть испанских монархистов, которая не сочувствует либеральным взглядам дон Хуана, предпочитала бы увидеть на престоле его сына принца Хуана-Карлоса, но, как сообщают из Мадрида, принц, проживающий в Мадриде и состоящий на испанской военной службе, сообщил генералу Франко, что он считает своего отца законным престолонаследником и не считает возможным взойти на престол в обход его прав.

НАГРАЖДЕНИЕ И. И. СИКОРСКОГО

Нам пишут из Нью Йорка:

Союз американских летчиков избрал изобретателя вертолета, знаменитого русского летчика и конструктора И. И. Сикорского своим лауреатом на 1966 год и наградил его бронзовым изображением орла — ежегодной наградой Союза, присуждаемой прославленным авиаторам.

Диплом и награда были вручены И. И. Сикорскому в присутствии 1300 гостей Союза капитаном Чарльзом Суммерсом, американским военным летчиком, который был сбит противником во Вьетнаме и спасен с занятой коммунистами территории вертолетом Сикорского.

ДЕЛО ГОЛЕНЕВСКОГО

Нам пишут из Нью Йорка:

По сведениям, полученным здесь из Швеции, граф Феликс фон Люкнер, быв-

ший поэтесса "Слава миру". В 1964 году ей присуждается "международная премия Эгна-Таормино" и она едет в Сицилию ее получать. Появляется ее последний снимок: за чайным столиком сильно располневшая, но прямо держащаяся в русской шали на плечах Анна Андреевна сидит между большевизанствующим католиком Ла Пира и легким поэтом Унгаретти, сбоку посол в Риме С. П. Козырев. В 1965 году ее снова пустили в Оксфорд получать титул докторки литературы. Она там говорила, что начала поэму "Девятьсот тринадцатый год", в которой пытается изобразить литературный Петербург накануне Первой Мировой войны. Но эта поэма, кажется, осталась неоконченной. Несмотря на старческое примирение с хрущевщиной и ее последышами, Анна Ахматова войдет в историю литературы такой какой была в молодости, когда на свободе Императорской России расцвел ее дар и когда она пророчески писала своего гениальному мужу:

Твой белый дом и тихий сад оставлю.
Да будет жизнь пустыня и светла,
Тебя в моих стихах прославлю,
Как женщина прославить не могла.
Алексей Ростов

ший самым молодым адмиралом германского императорского флота в 1914-1918 годах и прославившийся, до производства в адмиральский чин, как командир неуловимых германских крейсеров, топивших суда противников в американских и азиатских водах, а ныне — 84-летний старик живущий с 1924 года в Мальмо со своей женой-шведкой, находится при смерти.

Граф фон Люкнер значится на первом месте в списке членов верховного совета Ордена св. Иоанна Иерусалимского, рассылавшегося в 1965 году существующей в Соединенных Штатах самозванной организацией, притязавшей на преемственность от учрежденного Императором Павлом I и упраздненного Императором Александром I Российского приорства Мальтийского Ордена. Одновременно с рассылкой этого списка, самозванный Орден рассыладе звания в которых высказал сомнения в смерти Императора Николая II и его семьи в Екатеринбурге и этим поддержал притязания самозванца Голленевского.

СМЕРТЬ ВИКТОРА КРАВЧЕНКО

Нам пишут из Нью Йорка:

Известный невооруженный, бывший капитан Красной армии и автор книги "Я избрал свободу", ставшей в конце сороковых годов обличительным документом, направленным против большевиков и коммунистического строя в России, был найден с огнестрельной раной в своей квартире в Нью Йорке и скончался в карете скорой помощи во время перевозки в больницу. Обстоятельства этой смерти, которую американские газеты называют самоубийством, не вполне ясны.

Кравченке было 61 год. По его словам, он был сыном участника революции 1905 года, знал в детстве и в молодости нужду, был углекопом в Донецком бассейне, в 25-летнем возрасте стал коммунистом и советским военнослужащим.

В Соединенные Штаты он прибыл в 1944 года в составе советской закупочной миссии, выехал без ведома этой миссии из Вашингтона в Нью Йорк и сообщил газетам о своем решении поехать с Советским Союзом. Соединенные Штаты признали его политическим эмигрантом и предоставили ему убежище.

Его знаменитая книга была впервые издана в Нью Йорке на английском языке в апреле 1946 года и затем переведена на многие языки. Эта книга дала Кравченке крупные средства, которые, по словам его друзей, были вложены в горную промышленность в Южной Америке.

Выходящий в Париже коммунистический литературный еженедельник написал, что Кравченко не был автором книги и назвал его изменником. Кравченко привлек еженедельник к судебной ответственности за клевету и выиграл дело. Судебное разбирательство дало нескольким новым русским эмигрантам возможность дать показания о советских тюрьмах и лагерях.

В последние годы Кравченко жил в одной из лучших частей Нью Йорка под вымышленным именем Питера Мартина. В 1956 году, двое неизвестных проникли в квартиру Кравченки и напали на него. Кравченко ранил одного из нападавших, который оказался португальцем. Второй участник нападения бежал. Начатое расследование не получило огласки и неизвестно, было ли нападение совершено по политическим или по уголовным побуждениям.

Накануне своей смерти Кравченко ночевал в доме пожилой американки Хапгуд, которая, по словам ее зятя, Роберта Сен-Клэр, занималась для Кравченки какими-то переводами. Утром, в день смерти, Кравченко и Сен-Клэр направились на квартиру Кравченки, где он обратился к Сен-Клэру с просьбой выйти и сделать для него небольшую покупку. Когда Сен-Клэр вернулся он застал Кравченку умирающим, с огнестрельной раной, нанесенной принадлежавшим Кравченке револьвером.

Американские газеты сообщают, что самоубийца оставил напечатанную на пишущей машинке по-русски записку, которую он подписал двумя фамилиями — Кравченко и Мартин. Содержание этой записки не опубликовано. Сен-Клэр утверждает, что Кравченко был удручен денежными затруднениями и другими обстоятельствами, в частности он, якобы, был противником того сопротив-

ления которое Соединенные Штаты оказывают коммунистам во Вьетнаме. Это не вяжется со всем политическим прошлым Кравченки с 1944 года. Поэтому американская пресса относится к этому заявлению Сен-Клэра сдержанно и осторожно.

АРГУС О ТАРСИСЕ

Нам пишут из Нью Йорка:

Сотрудник "Нового Русского Слова", подписывающий свои статьи псевдонимом Аргус, был первым журналистом, открыто высказавшим недоверие к находящемуся теперь в Англии писателю Валерию Тарсису. Это недоверие было высказано Аргусом до выезда Тарсиса из Москвы.

"По своему приезду в Лондон — написал Аргус теперь — Валерий Тарсис объяснил представителям печати снисходительное к нему молчание со стороны советского правительства... Тарсис сказал, что так как он за свои антикоммунистические убеждения уже был признан сумасшедшим, правительство ничем больше против него сделать не может. Мне это объяснение кажется неудовлетворительным... Нет такой страны в мире, в которой человека, раз выпущенного из сумасшедшего дома, нельзя отправить туда вторично".

Б. И. НИКОЛАЕВСКИЙ

Нам пишут из Нью Йорка:

В Менло Парк, в Калифорнии, в возрасте 78 лет, от болезни сердца скоропостижно скончался известный меньшевик Борис Иванович Николаевский.

Покойный был сыном православного священника, но в молодости стал марксистом и социал-демократом, сначала большевиком, а затем меньшевиком. До революции 1917 года он несколько раз подвергался аресту. В 1922 году он одновременно с другими учеными, писателями и общественными деятелями, был выслан за границу и поселился в Берлине. Там он, будучи эмигрантом, долго совмещал принадлежность к эмиграции и активное участие в жизни заграничной делегации социал-демократической партии меньшевиков с исполнением обязанностей заграничного представителя московского Института Маркса, Энгельса и Ленина. Он занимал эту должность до 1931 года. Оправдывая эту связь с большевиками, "Нью-Йорк Таймс" написал, что этот период был "сравнительно либеральным периодом коммунистической власти" и что "его главным побуждением была преданность науке".

Как в последние годы сообщил сам Б. И. Николаевский, он, находясь в эмиграции, встречался с приезжавшими за границу представителями советской власти и участвовал в их переговорах с германскими социал-демократами о продаже архива Карла Маркса Советскому Союзу. Он встречался и с приезжавшими за границу видными большевиками, в частности, с Бухариним.

После захвата власти в Германии национал-социалистами, он переехал из Берлина в Париж, а в 1940 году из Франции в Америку. Живя с тех пор в Соединенных Штатах, он стал противником Сталина и его преемников. В 1947 году американским университетом была издана на английском языке книга о принудительном труде в СССР, написанная им в сотрудничестве с другим меньшевиком, Д. Далиным.

В последние годы своей жизни Б. И. Николаевский был хранителем собранных им в течение всей его жизни материалов по истории революционного движения в России. Эта коллекция была им продана существующему в Калифорнии Институту имени Гувера, но ее хранение было поручено бывшему владельцу.

Будучи в последние десятилетия своей жизни активным противником советской власти, Б. И. Николаевский оставался непримиримым противником русских эмигрантов, не разделявших его революционного мировоззрения. Он открыто критиковал в печати предоставление этим эмигрантам убежища в Соединенных Штатах.

Во избежание затруднений при получении денег в Буэнос Айресе, просим подписную плату — почтовые переводы и чеки — направлять исключительно по адресу:

Tatiana Kirew de Dubrowsky
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires — Argentina

„Кругом измена, и трусость и обман“

(Начало на стр. 1-й)

поспешил издать распоряжение: всякий, кто попытается отобрать оружие у солдат, подлежит расстрелу... Но этим делом не ограничилось. Совет Рабочих Депутатов на заседании 1-го марта, постановил принять меры для обеспечения интересов "революционных солдат". Была тут же составлена резолюция, получившая широкую известность под названием "приказа № 1".

Этот приказ, немедленно проведенный в жизнь в Петроградском гарнизоне, — был издан вечером 1-го марта, и на следующее же утро появился в "Известиях". В это время между исполнительным комитетом Совета и думским Комитетом происходили переговоры о составлении Временного Правительства. Фактически 27 февраля партия социалистов овладела Петроградским гарнизоном и по этой причине сделалась хозяйкой положения, но, до поры, до времени, скрывала свою игру, писал Родзянко в своих мемуарах; 1-го марта он, однако, телеграфировал ген. Рузскому, что "правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Гос. Думы". Сам Совет всячески поощрял такие заявления. У социалистов почти не было вождей: все их видные лидеры были в эмиграции, или в ссылке. Кроме того, существовала "опасность" военного движения в Петрограде. Настроение фронта сильно беспокоило революционные круги. Они поэтому стремились использовать Гос. Думу в качестве прикрытия; для этого они предлагали Думскому Комитету взять власть в руки — иными словами, открыто порвать с законностью.

Приказ № 1 привел в ужас всех, кто был близок к армии. А. И. Гучков заявил, что при подобных условиях он войти в правительство не согласен, тем более, что "хозяева положения" уже отказались напечатать составленное Гучковым воззвание о "войне до победного конца".

В тот самый час, когда отряд ген. Иванова подходил к Царскому Селу, а Совет Рабочих Депутатов принимал "приказ № 1", Царский поезд прибыл на псковский вокзал. Командующий Северным фронтом, ген. Н. В. Рузский, доверяя сведениям, полученным из Ставки, считал, что в Петрограде — порядок, что там уже действует монархическое Временное Правительство, во главе с Родзянко. Были у него и новые вести от ген. Алексея о переходе Москвы и Балтийского флота на сторону "Временного комитета". Ген. Алексей прислал также на имя Государя проект манифеста, поручающего Родзянко составление "ответственного министерства". Свое собственное мнение ген. Н. В. Рузский выразил свите Государя весьма открыто: "Остается, — сказал он, — сдаваться на милость победителей", считая, что "победители" — это думский блок.

В тот же вечер, 1-го марта, Государь имел с ген. Рузским разговор, продолжавшийся несколько часов. О содержании этого разговора, происшедшего с глазу на глаз, известно только по изложению самого ген. Рузского, записанному С. Вильчковским*). Ген. Рузский "с жаром доказывал" необходимость ответственного министерства. Государь возражал "спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения": "Я ответствен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится, — сказал Государь, — будут ли ответственные министры перед Думой и Гос. Советом — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело..." "Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена... и высказал свое убеждение, что общественные деятели, которые несомненно, составят первый же кабинет, все люди неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей". (Следует при этом иметь в виду, что и Государь не знал о том, какая анархия фактически царит в столице).

Ген. Рузский не указывает, какими доводами, после долгого разговора, он добился согласия на "ответственное ми-

нистерство". Известно одно: еще во время этого разговора, от имени Государя (в 12 час. 20 мин. ночи с 1 на 2 марта) была послана ген. Иванову телеграмма: "Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать". В то же время ген. Рузский своей властью распорядился не только прекратить отправку войск в подкрепление ген. Иванову, но и вернуть обратно в Двинский район уже отправленные с Северного фронта эшелоны. В ту же ночь из Ставки было послано на Западный фронт, от имени Государя, предписание: уже отправленные части задержать на больших станциях, остальных — не грузить. Что касается войск с Юго-Западного фронта (гвардии), то Ставка еще днем 1-го марта сообщила ген. Брусилову, чтобы отправка не производилась до "особого уведомления".

В результате того же разговора, в Ставку было сообщено, что Государь соглашается поручить Родзянко составление кабинета "из лиц пользующихся доверием всей России".

Сам М. В. Родзянко в это время находился — под бдительным надзором представителей Совета. Он хотел выехать к Государю на ст. Дно: ему отказались предоставить поезд. Движение войск с фронта до крайности тревожило революционеров; они боялись, как бы Родзянко, вырвавшись из их власти, "не перешел на сторону врага"... Председатель Временного Комитета хотел переговорить с ген. Рузским по прямому проводу: левые не желали допустить и этого. "Пусть г. г. рабочие и солдатские депутаты дадут мне охрану или поедут со мной", говорил Родзянко, "а то меня еще арестуют там на телеграф".

Наконец в 3 час. 30 мин. утра, 2-го марта, Родзянко пустился на телеграф. Ген. Рузский сообщил ему, что результат достигнут: Государь поручает председателю Думы составить министерство доверия. Это звучало проницей. Родзянко стал объяснять, что сейчас самое главное — это прекратить отправку войск с фронта — иначе "нельзя сдерживать войска, не слушающие своих офицеров". "Ненависть к династии дошла до крайних пределов..." говорил он: "раздаются грозные требования отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича".

Ген. Рузский, видимо, начал понимать, насколько он заблуждался относительно положения в Петрограде. "Я сегодня сделал все, что подсказывало мне сердце, — сказал он, — чтобы найти выход для обеспечения спокойствия теперь и в будущем... Приближается весна, нам нужно сосредоточить усилия по подготовке к активным действиям". Родзянко стал уверять, что "весь народ" хочет вести войну до победного конца, и что при исполнении требований "народа" все пойдет отлично: "наша славная армия не будет ни в чем нуждаться... ж. д. сообщение не будет затруднено... крестьяне и все жители повежут хлеб, снаряды и другие предметы снаряжения".

"Дай, конечно, Бог, чтобы ваши предложения в отношении армии сбылись, — ответил ген. Рузский — но имейте в виду, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно; что, если анархия перекинется в армию и начальники потеряют авторитет власти? Что будет тогда с родной нашей?" — Родзянко ответил, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех".

Ген. Рузский сообщил тотчас об этом разговоре ген. Алексею. Тот, со своей стороны, разослал (в 10 час. 15 мин. утра) командующим фронтами циркулярную телеграмму, передавая слова Родзянко о необходимости отречения Государя. "Обстановка, повидному, не допускает иного решения", — добавил от себя ген. Алексей. "Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии*"). Нач-к штаба Государя предлагал командующим фронтами, если они с ним согласны, немедленно телеграфировать об этом Государю в Псков.

В 2 час. 30 мин. ген. Алексей уже препроводил ген. Рузскому ответ командующих фронтами.

Вел. Кн. Николай Николаевич писал, что необходимы "сверхмеры" и что он

как верноподанный, коленопреклоненно молит Его Величество "спасти Россию и Вашего Наследника... Осенив себя крестным знаменем, передайте ему — Ваше наследие. Другого выхода нет".

Ген. Брусилов просил доложить Государю, что единственный исход, — "без чего Россия пропадет" — это отречение. Ген. Эверт указывал, что "на армию в настоящем ее составе при подавлении внутренних беспорядков рассчитывать нельзя"; поэтому он, верно-подданный, умоляет принять решение "единогласно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии".

Ген. Алексеев присоединился к этим просьбам и умолял Государя "безотлагательно принять решение... из любви к Родине, ради ее целостности, независимости, ради достижения победы". Наконец, ген. Сахаров, начав телеграмму с резких слов по адресу Думы ("разбойная кучка людей... которая воспользовалась удобной минутой..."), кончал: "рыдая, вынужден сказать, — что решение пойти навстречу этим условиям наиболее безболезненный выход...".

О том, что пережил и перечувствовал Государь за эти роковые дни 28 февраля — 2 марта — достоверных сведений нет. Известно, что утром 28 февраля Он еще отдавал распоряжения о подавлении военного бунта. Затем, в пути, Он беседовал только с ген. Воейковым, который в своих мемуарах пишет, что Государь был недоволен медленностью продвижения ген. Иванова и что 1-го марта Он был готов согласиться на "ответственное министерство" (?); ожидая Родзянко на ст. Дно, Он, будто бы, собирался назначить его премьером. Это не совсем совпадает с тем, что ген. Рузский сообщил Родзянко в его ночном разговоре по прямому проводу: "Государь Император сначала предполагал предложить вам составить министерство, ответственное перед Его Величеством, но затем, идя навстречу, общему желанию законодательных учреждений и народа", согласился на правительство, "ответственное перед законодательными палатами".

"Вчера весь вечер до глубокой ночи прошел в убеждении поступиться в пользу ответственного министерства. Согласие было дано только к двум часам ночи", сообщал утром 2-го марта из Пскова в Ставку генерал-квартирмейстер Северного фронта ген. Ю. Н. Данилов.

Этот долгий разговор Государя с ген. Н. В. Рузским в Пскове, вечером 1-го марта, во всяком случае, явился моментом перелома. Меры противодействия революции были отменены — отправка войск на восставший Петроград остановлена — именем Государя, но помимо (если не против) Его воли...

Государыня, узнав, что Царский поезд задержан в Пскове, писала (2 марта), что Государь "в западне". Повидному, можно считать усатновленным, что ген. Рузский и ген. Алексеев к этому моменту верили в возможность "мирного исхода" и всеми силами старались этому способствовать. В Пскове Государь не имел даже возможности отправить телеграмму помимо ген. Рузского; ему доставлялись только сведения, пропущенные командующим Северным фронтом. Когда, по его поручению, ген. Воейков хотел переговорить с Родзянко по прямому проводу — ген. Рузский этого не допустил. Командующий Северным фронтом обсуждал по телеграфу со Ставкой, не спрашивая Государя, следует ли передавать дальше подписанный Им манифест. Государь не мог сосноиться с внешним миром; Он, видимо, не мог, помимо желания ген. Рузского, покинуть Псков. Фактически, Он как бы находился в плену. При этих условиях, Его согласие на "ответственное министерство", в результате многочасового разговора с ген. Рузским, представляется в особом свете. Все свидетели отмечают, что с этой минуты в Государе произошла заметная перемена: у Него появилось ощущение безнадежности.

Дав согласие на фактическую передачу власти другим — тем, кто по Его

убеждению, не сумели бы справиться — Государь уже не стал колебаться, когда ген. Рузский сообщил Ему телеграммы командующих фронтами по вопросу об отречении. В 2 часа 30 мин. для телеграммы были отправлены из Ставки; в 3 часа дня уже Государь ответил согласием. За власть для себя Государь никогда не цеплялся; Он понимал Свою власть, как священный долг; передав ее другим на деле. Он уже не придавал большого значения формальному сохранению Царского титула. "Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от Престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно", — ответил Он ген. Алексею. В телеграмме на имя Родзянко говорилось: "Нет той жертвы, которую Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России...".

Государь подписал эти две телеграммы в 3 часа дня, 2 марта. Но они не были отправлены: в эту минуту пришло сообщение, что в Псков от Гос. Думы выехали Гучков и Шульгин.

Представители думского комитета прибыли в Псков поздно вечером. Они хотели сперва переговорить с ген. Рузским, но члены свиты настояли, чтобы они немедленно явились к Государю. Гучков стал говорить в приподнятом тоне о торжестве революции, о том, что к ней примыкают все войска, даже конвой Его Величества; что всякая борьба бесполезна: для Гучкова эта минута, очевидно, была увенчанием долгой явной и тайной, политической работы.

Государь не стал вступать в разговор с представителями своих врагов. Он спокойно сдержанно объявил им Свое решение.

Поздно гадать о том, мог ли Государь не отречься. При той позиции, которой держались ген. Рузский и ген. Алексеев, возможность сопротивления исключалась: приказы Государя не передавались, телеграммы верноподданных Ему не сообщались. Больше того, об отречении могли объявить помимо Государя: объявил же (9.XI.1918) принц Макс Баденский об отречении германского императора, когда Вильгельм II вовсе не отрекался! Государь, по крайней мере, сохранил возможность, отрекаясь, обратиться к народу со своим собственным последним словом.

Гучков привез с собой проект манифеста; из Ставки свой проект прислал и ген. Алексеев. "Государь вышел... Через некоторое время Он вошел снова. Он протянул Гучкову бумагу, сказав: "Вот текст..." "Каким жалким показался мне набросок, который мы привезли", — вспоминает Шульгин.

Манифест 2-го марта, подписанный Государем в двух экземплярах, гласил:

"В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжелое испытание. Начавшиеся внутренние волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца. Жестоким враг напругает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша, совместно со славными нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную Власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушном единении с представителями народа в законодательных учреждениях, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы,

*) "Русская Летопись". книга третья. Париж 1922.

Е. Фест

НЕВСКАЯ ТВЕРДЫНЯ

Господь никогда не забывал Русь, не оставлял ее без Своей милости.

Борис Годунов

1581 год... У польско-литовских рубежей русские жгут свои деревни, бегут в леса, нападают на неприятельские отряды. По пятам преследуют их, бьют чем попало, как врагов русского царства. Нечем тут поживиться наемникам польского короля Стефана Батория. Обманулись в своих надеждах! А ведь их немало в польско-литовском войске. В разных немецких городах собрали ландскнехтов Фабриан фон Донау, Редер и Георг Фаренсбах.

Ливонских немцев привел в лагерь польского короля Варфоломей Бут. С венграмми явился Гавриил Бекеш. Многие другие полки из наемников привел француз Жан Гордон.

Стефан Баторий требует у русских ливонские земли, Псков, Новгород, Смоленск и даже Себеж, да 400 тыс. золотых венгерских!

Ливонские немцы распахнули дверь Ливонии перед Швецией, Данией и Польшей, чтобы не покориться русскому царству.

Святейший глава Римской Церкви Папа Григорий XIII открыто поддерживает агрессора. Делается все возможное, чтобы окатоличить Русь.

Четверо против Руси! На рубежах до

благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России!

Представители Думы не могли ни возражать, ни спорить, хотя передача власти Великому Князю Михаилу Александровичу была для них неожиданной. Государь объявил свою волю: оставалось подчиниться. («Надо было брать, что дают», — объяснял потом Гучков).

Был двенадцатый час ночи; но манифест был помечен: «3 часа дня» — тем часом, когда Государь впервые принял решение отречься.

Государь не верил, что его противники совладают с положением: Он поэтому, до последней минуты, старался удержать руль в Своих руках. Когда такая возможность отпала — по обстановке было ясно, что Он находился уже в плену — Государь пожелал, по крайней мере, сделать все, чтобы со своей стороны облегчить задачу своих преемников. Он назначил намеченного Думским Комитетом ген. Л. Г. Корнилова командующим войсками Петроградского округа. Он подписал указ о назначении князя Львова председателем Совета Министров. Он назначил Великого Князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим. Он, наконец, составил обращение к войскам, призывая их бороться с внешним врагом и верно служить новому правительству. Только Сына Своего Он не пожелал им доверить: Он знал, что малолетний монарх отречься не может, и что для Его устранения могут быть применены иные, кровавые способы.

Государь дал своим противникам все, что мог: они, все равно, оказались бессильными перед событиями. Руль был вырван из рук державного «шоффера» — автомобиль рухнул в пропасть.

«Кругом измена, и трусость, и обман» — начертал Государь в своем дневнике 2 марта 1917 года.

Самым трудным и самым забытым подвигом Императора Николая II было то, что Он, при невероятно тяжелых условиях довел Россию до порога победы: Его противники не дали ей переступить через этот порог.

Борьба, которую Государю пришлось выдержать за самые последние месяцы Своего царствования, в еще большей мере, чем события в конце Японской войны, напоминают слова Посохова о его державном предшественнике: «Посохников по его желанию не много: он на гору аще и сам десять тянет, а под гору миллионы тянут...»

«...Девять лет понадобилось Петру Великому, чтобы Нарвских побежденных обратить в Полтавских победителей. Последний Верховный Главнокомандующий Императорской Армии — Император Николай II сделал ту же великую работу за полтора года. Но работа его была оценена и врагами, и между Государем и Его Армией и победой «стала революция», пишет ген. Н. А. Лохвицкий.

С. С. Ольденбург

восьмидесяти крепостей. Сумеют ли они оградить царство русское со всех сторон? Того и гляди падет Нарва и Ивангород.

Враг сильный, хищный угрожает граду Пскову, извечному стражу русских земель, прославленному в веках преданностью вере православной и крепостью воинской. Защита Пскова должна решить судьбу Родины. Если он падет, войска Батория, воодушевленные победою двинутся дальше и дальше. Баторий похваляется покорить Русь и взять святой столичный град Москву.

Надо все силы употребить к тому, чтобы Псков устоял. И царь Иван Васильевич сделал все для защиты города. Теперь здесь было собрано 50 тысяч пехотинцев и 7 тыс. конницы. На крепостных стенах было расставлено множество пушек, в числе их — вновь изобретенные русскими пушечных дел мастерами «Трескотуха» и «Барс». В местах, где стены обветшали, поспешно обкладывали камнем и засыпали землей. Крепостная стена раскинулась вокруг города на восемь верст. Она — главная защита города. Первые удары врага последуют на эту стену.

Прискакавшие разведчики-гонцы донесли воеводе псковскому князю И. П. Шуйскому: Стефан Баторий, овладев городом Островом, во главе стотысячного войска идет по дороге ко Пскову. Защитники города, благодаря этому известию, не были застигнуты врасплох. Утром 25-го августа князь Шуйский после торжественного богослужения взял клятву с граждан псковских, старых и молодых, чтоб всем «стоять накрепко, биться с врагами до последнего. Вспомни же о том, что было так недавно... Едва ли не три века Русь томилась под татарским игом!

Какой народ в страданиях и муках умудрился бы сохранить в течение трех веков свою силу, сберечь в чистоте сыю веру и сбросить с себя это иго?

Господь никогда не покидал Русь на полях брани и никогда не покинет. Подымите же и вы, граждане псковские, на городской стене хоругвь непобедимости!

Окруженный военачальниками, воевода псковский осмотрел все укрепления. Все ли на месте, готовы ли воины к обороне. Женщины, старики и дети подвозили к стенам ядра, камни, смолу в бочках. Священники ходили в толпе, благословляя горожан, призывая их защищать родную землю.

26-го августа войска Батория стали бесшумно окружать Псков под грохот всех крепостных пушек и расположились в четырех верстах от города. Но трудно было укрыться от меткой стрельбы псковских пушкарей. Они заставили врага податься в окрестные леса.

Недолго пришлось защитникам крепости ждать вражеского наступления. 7-го сентября Баторий приказал своим войскам двинуться на штурм крепости. Под прикрытием артиллерии неприятельская пехота и конница стали подходить к стенам города, но вскоре принуждены были отойти, неся большие потери от артиллерийского огня. Штурм был отбит. На следующий день, 8-го сентября, штурм возобновился. Неприятельской артиллерии удалось пробить в одном месте, между двумя башнями, стену.

Воевода князь Шуйский, объезжая улицы города, призывал воинов и горожан напрячь все силы, дать отпор врагу. Духовенство вынесло из собора иконы и хоругви, останавливая тех, кто в испуге отпрянул от стен, оставив их беззащитными.

Началась жаркая схватка в проломе. Крепостные пушки осыпали ядрами противника. Горожане обливали со стен врагов расплавленной смолой, сбрасывали вниз тяжелые камни. Приступ все же увенчался успехом. Поляки заняли

СОВЕТСКИЙ БЫТ

ИСТОРИЯ

Классовый подход к истории России.

(КРС) Видимо, на верхах уже пришли к единому мнению в вопросе подхода к изучению русской истории. «Известия» от 20 января 1966 года в статье доктора исторических наук М. Белявского «За монастырской стеной», вторично подчеркивают необходимость классового революционного анализа событий, явлений и деятелей прошлого России.

Одновременно с этим советская молодежная печать ведет кампанию за сохранение всех памятников страны, осуждает период своего детства, когда в школе детей заставляли издеваться над памятниками культуры только потому, что они служили религии. Молодежь хочет узнать подлинную правду о прошлом своего народа.

Так, В. Орлов в статье «Недоглядим — раз и навсегда» («Молодая гвардия» № 9, за 1965 год) писал, что ведь в одной Москве уничтожено около 400 памятников культуры.

Как бы в ответ на это в «Известиях» от 30 октября 1965 года появляется статья Ю. Шарапова: «Не всякому князю честь», в которой автор утверждает, что в подходе к истории России следует руководствоваться классовым принципом: то, что носило революционный характер, подрывало власть царей, следует приветствовать, тогда как то, что способствовало укреплению царской власти, надлежит отвергать и осуждать. Советские люди, по мнению Шарапова, в любви к старине должны «стоять на позициях ленинского интернационализма».

6-го декабря 1965 года в «Вечерней Москве» начальник управления культуры Мосгорисполкома Б. Родионов в статье «Бережь памятники культуры», посвященной созданию общества по охране памятников истории и культуры, пишет, что все памятники истории, культуры и архитектуры столицы должны быть приведены в образцовое состояние...»

По мнению «Известий», видимо, не все памятники истории, культуры и архи-

сбитую до половины выстрелами из пушек Свиною башню, а венгры — разрушенную почти до основания Покровскую башню. Но дальше продвинуться противник не мог.

На военном совете русские военачальники решили не давать покоя неприятельским войскам, неожиданно нападать на них во время передышки между штурмами. Князь Шуйский лично огорбл для вылазки из крепости самых отважных воинов. Было хорошо видно, как неприятельские войска рыли траншеи около южной стены крепости, как прикатывали к окопам туры, делали насыпи. Они все ближе и ближе подходили к крепости. Видно было даже переправу пушек на соседний берег реки Великой. Защитники крепости решили не мешать работе неприятеля, думая подпустить его совсем близко к стене. Утром 10-го сентября битва возобновилась. Неприятельская артиллерия открыла ожесточенный огонь. И опять с распущенными знаменами пошли на приступ штурмовые колонны. Защитники Пскова достойно встретили их. Пушкари несколькими выстрелами выбили поляков из Свиной башни.

Женщины, старики и дети с огромным усердием таскали к стенам камни, бревна, катили бочки с порохом, тачки с ядрами.

В самый критический момент к пролому двинулся крестный ход, сопровождаемый отряд назначенный для вылазки. Воины приготовились биться с врагом до конца. Построившись в боевой порядок, отряд всадников помчался навстречу видневшимся в проломе неприятельским войскам. Это была венгерская конница. Началась рубка. Перегес был на стороне малочисленного русского отряда, но вдруг на помощь венграм из леса вышла немецкая пехота.

Остатки отряда, потеряв в схватке своего командира С. Хвостова, вынуждены были отступить в крепость. Противник сделал снова попытку проникнуть в пролом, но был отбит с большими потерями. Битва кончилась поздно ночью. Неприятель потерял около 5 тысяч убитыми и ранеными, в том числе начальника венгерской конницы прославленного полк. Бекеша. Русские

тектуры нужно сохранять. Вышеупомянутый М. Белявский считает однообразием, когда в прессе, на собраниях и вечерах, посвященных созданию Добровольного общества охраны памятников истории и культуры, разговоры сосредоточены почти исключительно вокруг церковной архитектуры и живописи XII-XVII веков.

Нападает Белявский в своей статье и на газету «Московский университет», которая сообщая о создании в МГУ общества по охране памятников,

«взяла в свои союзники известного писателя и историка XVIII века Карамзина дав в качестве заголовка его слова: «Должно приучать россиян к уважению собственного».

«Но ведь Карамзин, — восклицает Белявский, — был идеологом помещиков-крепостников... Так зачем же брать в идейные союзники человека, воззрения и цели которого диаметрально противоположны задачам воспитания советского патриотизма?» И далее: «Зачем в идиллических красках рисовать тех, кого В. И. Ленин называл худшими врагами нашей родины».

Сетует Белявский и на писателя С. Бондарина, который на страницах «Литературной газеты» (30.XI.65) в статье «Вечер на Княжах» «считает возможным писать о соловейком игумене Филиппе в стиле «жизни святого мученика митрополита Филиппа».

Нападая на показ диапозитивов и фильмов, посвященных древней архитектуре и ее создателям, Белявский считает, что не все творцы этих памятников заслуживают внимания и славы.

«Как ни странно, но о последнем редко забывают. Чем иначе объяснить, что центральные телевидение показывали гробницы московских князей и царей под аккомпанемент мощного хора, поющего им вечную память и славу... Почему, наконец, попрежнему скачет на Сенатскую площадь... российский император, которого ненавидела и называла Николаем Палкиным вся передовая Россия и Европа?»

В заключение Белявский призывает следовать заветам Ленина, который требовал бережного отношения к памятникам страны, и подписал постановление Совнаркома о снятии памятников царям и их слугам...

потеряли убитыми 860 человек и ранеными 1.600. В битве погиб донской атаман князь Черкасский, герой, смерть которого горько оплакивали псковичи.

Взятые в плен поляки и наемники сказали князю Шуйскому, что теперь Пскову опасности уже не грозит: в королевском войске нечем стрелять, нет пороха. Баторий послал обоз в город Ригу, чтобы привезти порох оттуда. В Москву были посланы гонцы к царю с донесением об отбитии двух больших штурмов и о тяжелых затруднениях в польско-литовском войске.

Надежда Стефана Батория на покорность русских не оправдалась. Наемники требуют уплаты жалованья. Доходов нет... Мелкие шляхтичи ропщут на военачальников. Кн. Замойский не ладит с кн. Радзивиллом. Это значит, что литовский магнат не хочет уступать первенство польскому. И если они и подчиняются Баторию, то только из страха подвергнуться наказанию.

Смирив Пруссию, собрав громадную армию с побежденного Данига и заключив союз со Швецией и Данией, Баторий набросился на русские окраинные города, уверенный, что двинутые им против русского царя полчища, повернут в прах русские войска.

Остров, Полоцк, Сокол, Невель, Великие Луки в руках Батория, но... Псков!

Русские военачальники сдержали наказ царя. Псков отражает все приступы. Упорный, отчаянный народ — русский! Их не испугали грозные вести о блестящих победах знаменитого короля Стефана Батория. Ни кровопролитные бои, ни истощение не мешают им защищать Псков.

13 декабря 1581 года в деревне Кивсрова Гора, в недалеком расстоянии от Пскова, русские послы кн. Дмитрий Елецкий и «печатник» Роман Аферьев да посол Папы Римского иезуит Антоний Посевин съехались с послами польского короля кн. Радзивиллом, Яном Зборажским и секретарем великого княжества Литовского Михаилом Гарабурдой. Приступили к переговорам. Кстати, они начались по инициативе Папы Римского.

Тем временем, в изнуренном бесплодном осаде Пскова польско-литовском

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dr. PISAREDICH de HORNBAIN
 Docenta de Facultad de Odontologia
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
 (говорит по-русски)
 Специальное лечение корней зубов.
 Бор - машина Ultrasonico.
 Искусственные зубы.
 Рентгеновские снимки.
 Прием ежедневно от 15 до 20 час.
 Boulogne Sur Mer 541, p. 2, dpto. N
 Capital T. E. 88-3605
 (Один квартал от станции субтер-
 aneo «Пуэйрредон» по линии Феде-
 рико Лакросе).

ПО СЛЕДАМ ГАЗЕТНЫХ СТРОК

В 1963 году Н. С. Хрущев передавал слова китайского вождя Мао Дзе-дуна: "Если будет уничтожена половина человечества, и останется только вторая половина, то за это будет уничтожен империализм и во всем мире останется только социализм. Через полстолетие население мира снова пополнится".

Это именно то, что Ленин, Сталин и Ко. сделали с Россией. Уничтожили половину населения, разрушили то, что было, — остался один социализм. Пока усердие самой прогрессивной политической партии в мире было направлено исключительно на русский народ это мало кого занимало. Но вот на свете появилось законное дитя ленинско-сталинской версии социализма: Мао. Жерло Мао Дзе-дуновой пушки угрожает не только китайцам. В лагере прогрессивной демократии возникло нечто вроде тревоги. "А вдруг?.."

Особенно взволновалось общественное мнение Сев. Америки, по поводу чего министр иностранных дел английского правительства лейбористов Майкл Стюарт успокоительно замечает, что "... хотя Пекин теоретически и высказывается за вооруженную экспансию, на практике он ее ни разу не применил. Впрочем, — продолжает Стюарт, — если бы Китай начал вести себя агрессивно, мы оказались бы вынуждены заинтересоваться этим вопросом".

Американцы уже интересуются. Сенатор Дж. В. Фулбрайт призывает "помять Китай", ибо ему очевидно, что мы приближаемся к войне. Он видит, что война во Вьетнаме не имеет конца, то есть никто не знает, куда она ведет и чем она кончится. Со стороны военных специалистов слышится голоса, утверждающие, что Китай рано или поздно, но непременно вмешается в войну на стороне Северного Вьетнама. Когда Китай овладеет атомной бомбой, опасность значительно увеличится. Москва и Пекин начинают понимать, что обещание Сев. Америки о том, чтобы отстоять Южный Вьетнам от коммунизма, не имеет под собою почвы.

войске начались волнения среди наемников, которые не получали жалованья. Они отказывались дальше вести осаду крепости.

По сведениям разведки стало известно, что Батерий уехал из-под Пскова, оставив начальником над своими войсками главного воеводу кн. Замойского. Чтобы успокоить войско, он заявил солдатам: "На вас смотрят послы московские из Запольского Яма: если будете мужественны и терпеливы, то они уступят; если изъевите малодушие, то они возгордятся, и мы останемся без мира и без славы, утратив плоды столь многих побед и трудов".

Споры об условиях мирного договора затягивались. Послы польского короля говорили о том, что король "не уступит своего права на Нарву и др. крепости, занятые шведами". Предъявлялись и другие требования, в том числе и денежная контрибуция. Князь Шуйский узнав о препирательстве польских послов, решил нанести стоявшим под Псковом польско-литовским войскам новый удар, чтобы сбить спесь у вельможных панов. 4-го января 1582 года он собрал большое число пеших и конных воинов и внезапно напал на неприятельские войска. После жестокой битвы было взято много пленных, побити множество неприятельских воинов. На поле битвы полегли видные королевские вельможи. По счету то была шестая вылазка защитников Пскова. Со стороны противника был тридцать один приступ.

Поляки боялись новых волнений среди наемников и кн. Замойский торопил послов с заключением мира. 6-го января 1582 года мирный договор был подписан. Ливонские земли отошли к Польше. В Псков послали гонца с известием о состоявшемся примирении держав. Захвачено поляками и шведами многое, за что двадцать четыре года боролся русский царь.

Нет! Русь не побеждена; ее отеснили от моря, но она оправится. Белое море поможет опять овладеть Балтийским морем. Недаром то море омывало уже в своих водах русские корабли. Так было!

Царь всея Руси Иван Васильевич не-сокрушимо верил в это.

Е. Фест

Если операции во Вьетнаме до сих пор описывались справками об участии сотен солдат, теперь речь идет уже о тысячах. Но дело хуже: раньше, да вот еще совсем недавно, говорилось, что военный потенциал США на крайнем юго-востоке Азии достиг нужного уровня и военный перевес отнят у красных, теперь оказывается, что американцев бьют. Война требует посылки все новых и новых континентов.

Есть еще надежда на вражду Москвы с Пекином. Сейчас Пекин получил приглашение на XXIII съезд КПСС. Вражда?..

Вице-президент США Губерт Гумфрей, объехав дальний юго-восток Азии, заявил, что все азиатские политические руководители стоят на стороне Америки в вопросе о Вьетнаме и все они озабочены тем, — "достаточно ли крепки решимость и упорство Америки в том, чтобы довести до конца дело ограждения Южного Вьетнама от коммунизма?"

А вдруг нет... Это уже мы договариваем до конца.

На поверхности мировой политической жизни сейчас не видно ни одного человека, который мог бы сказать, куда ведет свою политику Америка. Нет и такого, который мог бы удовлетворительно высказать, что во Вьетнаме завязан узел, развязать который можно только путем взаимного уничтожения: либо будет уничтожен мировой коммунизм, либо будет уничтожена мировая демократия. Есть правда еще и третий исход: Америка просто ретируется из Южного Вьетнама под каким-нибудь благородным предлогом. Что этим она себе подпешет уже окончательный смертный приговор, — другое дело.

Если Америка окажется достаточно сильной на юго-востоке Азии, это для Китая петля. Он нуждается в экспансии не только ради идей коммунизма, но просто ради тесноты, ради хлеба. Китаю нужна Австралия. Вьетнам стоит поперек дороги.

Поперек дороги стоит и Индонезия. Индонезия уже почти что была в лукошке у мирового коммунизма, но вдруг выскользнула. Даже уже тогда, когда обозреватели списали ее со счетов и объяснили, когда и как военные силы Индонезии проморгали свой шанс отбить власть у Сукарно. А вышло иначе.

Сукарно удален с поста известного антикоммуниста генерала Насутюна. Он скрылся. Думали он сдастся, вышел из борьбы. Антикоммунистическое студенчество выступило с демонстрациями против известного своими про-пекинскими настроениями политика Субандрио, которого Сукарно назначил своим заместителем. На плохом счету у студентов еще был Сумарджо — министр начального образования (оба они коммунисты).

Студенческие демонстрации превратились в погромы министерств, прославленных коммунистическими тенденциями. Число демонстрантов превысило 10.000 человек, когда они ворвались в Парламент, требуя чистки от коммунистов. Разгромили и красно-китайское посольство.

Не дремали и про-коммунисты. Направленные ими демонстранты стали громить посольство Соед. Штатов Северной Америки.

Наконец, командование армии предъявило Сукарно ультиматум об удалении из правительства всех коммунистов. Сукарно не устоял. Согласно последних известий, он передал власть главноко-

мандующему армии ген. Сугарто, известному антикоммунистическому настроением. В Индонезии введено военное положение. Все сведения не имеют точности и веса продолжают колебаться.

Выпадение Индонезии из коммунистической орбиты обозначит большой урон для мирового коммунизма и в первую очередь для Красного Китая.

Тонкие черточки намеков на известия дают почувствовать, что пекинские коммунисты стоят перед какими-то новыми предприятиями и намерениями. Из самых разных уголков земли отозваны послы. Министр иностранных дел Чен Ёи несколько дней находился в отсутствии и где он был не знал никто. Мировая политика гадает на кофейной гуще, пытается познать значение этого сна. Одни говорят: "Это не к добру". Другие обнадеживают: "В Пекине — смена вех!"

А нам кажется, что Пекин просто занят крайне напряженной работой. Юго-восток Азии и пути в Австралию — своим чередом. Но есть дела и на западе. Освоение Тибета не могло означать, чтобы коммунисты почли на лаврах. "Работать надо, товарищи!" — говорил Сталин.

Более или менее неожиданно в двух районах восточной Индии начались брожения, возмущения и, наконец, пошла открытая борьба за политическую независимость некоторых племен. В частности захватили городок Лунглах. Имели место бои за городок Айджал (около 10.000 жителей).

Премьер-министр Индии Индира Ганди заявила, что восстание "будет подавлено".

Едва выдохли чернила, как пришли вести о беспорядках под Калькуттой. Были посланы армейские соединения. Введен полицейский час.

Пришли успокоительные строки, во след за которыми снова раздалась тревога: в Калькутте голодные демонстрации. В демонстрациях принимают участие все слои населения. Требуя хлеба и керосина. Правительство, руководимое г-жой Индирой Ганди, твердо решило подавить силой, как восстание за независимость в племени Мизо, так и распространиться силой с голодными демонстрациями. (Даже забыли, что это не прогрессивно).

Демонстрации превратились в погромы. Калькутта оказалась во власти толпы, которая мечется по улицам, громя магазины, поджигая склады и оказывая сопротивление полиции. Убито до 24-х человек, в том числе и двое полицейских. Парламент превратился в сцену для проявления бурных политических страстей. Индира Ганди заявила, что беспорядки и демонстрации есть результат деятельности крайне левых групп. По этому случаю крайне левые и коммунисты демонстративно покинули зал заседаний, выкрикивая: "Это — ложь!" Между тем представитель левого фронта, то есть объединения десяти левых партий, заявил, что "в стране не будет покоя до тех пор, пока не будут удовлетворены требования народа". Этот самый "фронт" и руководит беспорядками.

Если коммунистам удалось бы уложить себе в лукошко такой лакомый кус, как Индия, — это было бы для них победой, едва ли не большей, чем захват Китая. Куда поведут беспорядки, о которых сегодня беззаботно пишут профессиональные репортеры, предугадать нельзя. Но факт, что беспорядками руководит "левый фронт", говорит сам за себя.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

MONROE 4219, Dep. 10

BUENOS AIRES (30)

T. E. 52-7426

Не оставим без внимания два острых пункта в Центральной Америке. Санто-Доминго вступает в подготовительный период предвыборной кампании. Как бы чужа, что выборы ведут их к полному провалу, левые группы занялись террористическими актами. Число актов терроризма указывает на то, что среди населения имеется много оружия. Это обозначает опасность нового вооруженного восстания.

Другим нервным пунктом является Гватемала. Выборы президента прошли мирно, но результаты голосования еще не выяснены. Ожидается, что теперь именно начнется борьба за власть. Кто станет прибегать к каким мерам?..

Уругвайское правительство продолжает изучать вопрос о вмешательстве советских дипломатических учреждений в внутренние дела страны.

Лавно не приходило нам касаться старушки Европы. А она без нас почти что и соскучилась. Причина этому в том, что там уже давно завязался странный узел притворчества между двумя величайшими демократиями: французской и сев.-американской. Находясь в сфере информации, преимущественно исходящей из американских источников, мы не находим удобным брать за всесторонний анализ. На поверхности же факты, в общих чертах вот каковы:

С тех пор, как де Голль вполне утвердился в президентском кресле Франции, он повел линию на независимость от Сев. Америки. Это выразилось в некоторых экономических и в политических актах (например, признание красного Китая, вопреки линии США). Еще задолго до прихода де Голля, по инерции военного союза, когда в ходе "холодной войны" был создан "Атлантический пакт", Франция оказалась одним из наиболее деятельных его соучастников. Пакт был подписан в Вашингтоне 4 апреля 1949 года. Все более и более возвышая принцип своей независимости, де Голль недавно заявил, что не желает иметь во Франции военные соединения, не подчиненные французскому командованию. Это противоречит Атлантическому Пакту и президент Джонсон дал де Голлю ответ, что США охотнее выведут как свои воинские части (до 30.000 человек), так и увезут свои военные сооружения, нежели передадут их под французское командование.

Тогда де Голль приступил к односторонним действиям. Пока что он только отдал распоряжение о необходимости "вновь восстановить полную суверенность" Франции. Вывод американских армейских частей должен быть выполнен в течение месяцев и де Голль указал, что тут речь идет о "внутренних делах Франции". Как это все отразится на дальнейшей судьбе "Атлантического пакта"? Из-за чего ссора? Кто от всего этого выиграет?.. Остается ждать и смотреть.

В заключение поделимся с нашими читателями, живущими во всех странах русского рассеяния, вестью о тяжелом бедствии, постигшем нашу добрую приветливую Аргентину. Различные метеорологические условия вызвали в северных провинциях страны небывалый разлив рек. Река Парана разлилась почти на 70 километров захватывая поселки, фермы и города. В провинциях Мисонес, Корриентес и Чако разлив достигал едва не 90 км. Потери и разрушения нечисленны. Сотни тысяч населения остались без крова. Погибло много скота, разрушены громадные плантации. Была опасность эпидемий и в том числе желтой лихорадки. Опасность устранена, благодаря своевременно принятым мерам. Правительство приняло срочные меры помощи пострадавшим. Все слои населения участвуют в сборах пожертвований. Промышленные компании жертвуют сотни миллионов. Население (в церковных приходах) жертвует хлеб и одежду. Это невиданное бедствие надолго останется в памяти страны.

Наблюдатель

† 26-го марта с. г. во вторую годовщину кончины моего дорогого мужа

НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПИСАНКО

в Кафедральном Соборе Воскресения Христова после Всенощной будет отслужена п а н и х и д а,

о чем извещает жена покойного.

† В субботу 26 сего марта в годовщину смерти (24-III)

АНТОНА ПАВЛОВИЧА МИХАЛОВСКОГО

в 16 ч. (4 ч. дня) будет отслужена панихида на Британском кладбище у могилы, а 27-III — в Воскресенском Соборе, после Литургии.

Сообщают жена и сын.